

\* \* \*

Время спрессовано. Время становится мной.  
Лязгнув засовами, дверь отпирает Всевышний.  
Я — настоящее. Холод гудит за спиной.  
Холод вселенский, космический. Страшный и лишний.

В будущем тоже сквозят над планетой ветра.  
Скрыто грядущее. Мне не добраться до сути.  
Время спрессовано. В сердце вжимается страх.  
Можно бояться, за это никто не осудит...

«Было и не было», «будет — не будет» — потом  
Стану гадать, повзрослев и печалясь все чаще.  
Год девяностый, р.п. Большеречье, роддом.  
Мир познаю и живу сам собой — настоящим.

\* \* \*

Не касался младенец молочных грудей,  
Но, казалось, что это — ненужная малость.  
У соседей ни внуков теперь, ни детей.  
Только старость осталась.

Поправляют очки. Часто смотрят в окно.  
В продуктовой спускаются. Быта — избыток.  
Все испытано было, что в жизни дано.  
Все затерто, избито.

В полутемной квартире сердца их стучат  
В ожиданье, что завтра рассвета не будет.  
Лишь порой голоса не рожденных внучат  
Среди ночи их будят.

\* \* \*

За омуля копченого и только,  
За рюмку водки, за глоток вина,  
Бродячий музыкант, хрипатый Колька  
Готов люблю песню «сбацать» нам.

На продувном байкальском сквозняке,  
Лицом помятым обратясь к прибою,  
Чужие песни пел — и стал никем.  
Чужие вина пил и брал с собою.

Давай скитальца пригласим за стол,  
Чтоб музыкант вдруг начал улыбаться,  
И, отстранив стакан — какой в нем толк? —  
Вдруг предложил: «Свое вам, что ли, сбацать?».

\* \* \*

В позабытом селе, где дворов — как зубов у старухи,  
Бьется ветер в оконца пустой, обветшалою избы.  
Этот ветер — солдат. Он кричит: «Неужели, все глухи!».  
Только боль возвращенья ему никогда не избыть...

«Я вернулся. Вер-нул-ся! Ты слышишь? Ну, где же ты, мама?».  
Но лишь пыльные, мутные стекла в ответ дребезжат.  
А окно, как крестом, перехвачено сгнившею рамой,  
И в молчанье глухом остается скитаться душа.

Будет ветер парить над домами и узкой тропою,  
Удаляться в тайгу, для себя утешенье ища.  
Ведь вернулся домой, смерть поправ, из последнего боя,  
Потому, что он маме вернуться домой обещал.

\* \* \*

## 1

Под плоским небом цвета хромакея  
В пустом пространстве мечется душа.  
А за окном распластана «Икея»,  
А за другим — какой-нибудь «Ашан».

Трещит трамвай как старая дрезина,  
Замученный до скрипа в тормозах.  
А за окном мелькают магазины  
Так часто, что уже рябит в глазах...

Я вновь и вновь читаю заголовки,  
И мысли друг от друга устают.  
Пройдусь пешком, усталый и неловкий,  
Всей кожей ощущая неуют.

Лишь на ветру рекламная растяжка  
Трепещет как надежда впереди.  
«Все иллюзорно,— прочитаю тяжко,—  
Есть только небо... Покупай в кредит».

## 2

За окраинным кладбищем — новенький спальный район.  
Чтоб доехать до центра, за час до рассвета встаем.  
Дышит гарью завод в слюдяное оконце мое.  
Вечный город не спит и окраинам спать не дает.  
И живые завидуют мертвым, лежащим вблизи.  
И в тягучем безверье библейское что-то сквозит.  
А у стен новостроек, из грунта пробившись едва,  
Рвутся к небу цветы. Почему-то все время их два...

Нет же, стой! Погоди... Не части, я тебе расскажу,  
Как, проснувшись среди ночи, по комнате долго хожу.  
Я живу в самом центре, встаю без пятнадцати семь,  
И завидовать мертвым не тянет. Не тянет совсем.  
Но порой снится разное. В доме напротив окно  
Вдруг зажглось. Может, там также крутят немое кино  
И сосед просыпается, щурясь на свет ночника.  
А района за кладбищем нет даже в планах пока.

## 3

В безликом шалмане, глотая противный напиток  
(на ценнике значится «кофе»), но это вранье),  
Гляжу, как снаружи бредут, изнуренные бытом,  
Промокшие люди и стадо «Газелей» снуют.

Грохочут машины. Хохочут, вбегая, под крышу  
Подростки, для коих все в жизни — беда не беда.  
Они рассуждают, что «сталк», мол, сегодня не вышел,  
О «баттлах» на «Версусе»... и о любви иногда.

И что вдруг разнылся, как мяч утопившая Таня?!  
Я зонт отряхну и по лужам направлюсь к тебе.  
Сквозь нудную морось, с дымящимся кофе в стакане  
И буду тепло улыбаться всем встречным в толпе.

\* \* \*

Я иду расставаться с тобой.  
С неба сыплет противная морось.

Кто сказал, что мы сшиты судьбой  
И отныне не выживем порознь?

Кто сказал, мол, уступки нужны,  
Чтоб самим не распасться на части?..  
Как мы были чисты и нежны,  
Как хотелось нам общего счастья!

Старый чайник кипел на плите.  
Стопки книг, запах кофе и пыли.  
Дождь хлестал за окном, снег летел...  
Боже мой, как мы счастливы были.

Кто сказал, что мы сшиты судьбой?  
Я сказал. Не боюсь повториться.  
Вроде, шел расставаться с тобой.  
Оказалось — мириться.

\* \* \*

Казалось, юность поросла быльем,  
Но жажда чуда все куда-то манит.  
С утра соседка вешает белье  
И простыни — как паруса в тумане...

Усталости и лени вопреки  
Гляжу в окно, в котором плещет лето.  
Вновь умоляю: память, береги  
Мальчишеское ощущение это.

Я не хочу быть нудным ворчуном,  
Размениваясь на дела и вещи.  
Я распахну рассветное окно,  
А там, в тумане, — паруса трепещут!